

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А.И. Сидоркин*

ВОИНСКИЕ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1725-1855 гг.)

Аннотация. Рассматриваются вопросы правовой регламентации воинских наказаний, делается вывод о том, что российскому военно-уголовному праву в течение его исторического существования более всего была свойственна «неподвижность» форм наказания. Несмотря на кодификацию российского законодательства в первой половине XIX в., не были унифицированы виды наказаний, предусмотренных в различных законодательных актах Российской империи. Более того, сохраняется конкуренция норм принятого в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и Военно-уголовного устава 1839 г. К середине XIX в. еще не сложилась система воинских наказаний.

Ключевые слова: юриспруденция, наказание, преступление, военнослужащий, дисциплина, устав, уложение, право, проступок, казнь.

Законодательство Российской империи о воинских наказаниях в послепетровский период продолжало развиваться под воздействием комплекса социальных факторов, однако не претерпело каких-либо радикальных преобразований вплоть до реформ, осуществленных Александром II во второй половине XIX в. Недостатки военно-карательной системы стали проявляться уже при ее введении в действие. Так, Петр I достаточно быстро осознал, что созданные им Артикулы далеко не отвечают нуждам русской армии и предписал сочинить «новые военные артикулы». В целях исправления законов Петром I была учреждена комиссия, официально названная «Комиссией 1728». В ее состав, кроме чиновников, входили депутаты от дворянства от каждой губернии¹. Комиссия должна

была составить сводное Уложение на основании национального, исторически сложившегося законодательства, однако не успела даже приступить к работе — смерть Петра I прекратила ее существование.

Столь поспешное решение Петра I пересмотреть принятое им же военно-уголовное законодательство породило у последующих исследователей мнение о нежизнеспособности петровских военно-уголовных законов, в частности Артикула Воинского 1715 г., положения которого изначально были «мертворожденными»², «воинские наказания, предначертанные им,

военных судов России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 186.

² Фалеев Н.И. Цели воинского наказания: дисс. на соиск. звания экстраординарного профессора по кафедре военно-уголовных законов в Александровский военно-юридической академии. СПб., 1902. С. 111.

¹ Петухов Н.А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы

© Сидоркин Александр Иванович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Марийского государственного университета
[abuacher@gmail.com]

424000 Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д 1.

фактически зачастую бездействовали»³. «Артикулы, — писал Н.И. Фалеев, — есть призрак, которому никогда не суждено принять реальную оболочку. Ввиду этого и угроза получила чисто платоническое значение»⁴.

Весомым аргументом в пользу высказанного мнения служит указ от 1 июня 1730 г. императрицы Анны Иоанновны, в котором говорится, что военные артикулы, принятые при жизни Петра I, «... до сего времени в действо не произведены; того ради имеет комиссия оные артикулы также рассмотреть, чтобы могли потом по получении Нашей Всемиловейшей конфирмации опубликованы и в действо произведены быть»⁵.

В 1730 г. учреждается воинская комиссия, деятельность которой выражается только в собирании материалов. В 1731 г. Артикулы Петра I направляются в Санкт-Петербург для рассмотрения. Из донесения воинской комиссии в Сенат 3 августа 1731 г. мы узнаем следующее: «По указу Его Императорского Величества и по пунктам из Правительствующего Сената велено сочиненные вновь военные артикулы, а действием не произведенные, рассмотреть воинской комиссии. На оные в прошлом 730-м году октября 11 дня, по определению прежде бывшего в той комиссии генералитета, определено: с приличными по оным указами направить штатскому действительному советнику барону Гиссену, да генерал-аудитору Центарову, который у сочинения тех артикулов был. И сего 731 года апреля 13 дня послано в Высокоправительствующий Сенат от воинской комиссии доношение и требование, дабы повелено было оные из военной коллегии артикулы послать в Санкт-Петербург в воинскую комиссию с генерал-аудитора Центаровым, ибо при рассмотрении оных комиссией, с чего что в те артикулы написано, повинен объявить он, дабы в том излишнего замедления не было»⁶.

Вслед за этим по инициативе Миниха составляются новые военные артикулы на русском и немецком языках, представлявшие собой три самостоятельных кодекса, тексты которых утрачены⁷.

В царствование императрицы Елизаветы I в 1754 г. собирается новая законодательная комиссия, которая в 1755 г. «рассуждала» об

«опробованном» в военной коллегии плане военных артикулов, но этим и ограничились, а к концу 1759 г. прекратила работу⁸.

Существенный интерес представляет комиссия, учрежденная в 1762 г. Императрица Екатерина II дала ей особую инструкцию, в п. 20 которой говорилось, что «по прошествии столь великого времени и знатной перемены в нравах и воспитании народа, после издания в войске содержащегося в нем устава, Артикулов и процесса, весьма видимым образом требуется в них быть поправлена и пополнена, в чем особливо учрежденная комиссия уже и упражнялась, но наступившая война до желаемого в том окончания не допустила, то ныне сей комиссии все той, прежней комиссии сочинения касающееся до сего исправления, к себе взяв, рассмотреть, сочинить и по основанию нынешнего положения войска, вновь воинский устав, Артикулы и процесс, представить к Ее Императорскому Величеству»⁹.

К такого же рода попыткам, не принесшим результата, относится и проект генерал-майора Степана Языкова, сочинившего в 50-е гг. XVIII в. новые воинские артикулы, также не сохранившиеся¹⁰.

Таким образом, начиная со второй четверти XVIII в., в сфере военно-уголовного права наблюдается хаотическая законодательная деятельность, начавшаяся еще при жизни Петра I и продолжавшаяся до 1812 г. Поэтому изменения в системе воинских наказаний производились отдельными, разрозненными нормативными актами.

Изданные в последующее время указы касались преимущественно наказания за уклонение от службы, особенно со стороны рекрутов, и обращения с ними. Указом от 23 января 1739 г. предусматривалось пойманных «из бегов» нижних чинов, прослуживших менее года, за первый побег наказывать шпицрутенами, а за последующие — по Воинскому Артикулу 1715 г.¹¹

По «Генеральному учреждению о наборе рекрут» 1766 г. за драку, пьянство, картежную игру и прочие «предерзости» рекрут мог быть наказан батогами «по вине смотря» по усмотрению начальников партий. За совершение же побегов он предавался суду; в случае добровольной явки «в рассуждение того, что к дальним и действительным побегам намерения не имел», наказывался начальника

³ Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVIII в. СПб., 1887. С. 90.

⁴ Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 118.

⁵ ПСЗ. Т. 1. № 5571.

⁶ Мушников А.А. Наказание в русском праве XVIII в. СПб., 1887. С. 130.

⁷ Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 112.

⁸ ГВИА. Оп. 121. № 12. Л. 14.

⁹ ГВИА. Оп. 121. Св. 17. № 22; Оп. 121. Св. 14. № 12.

¹⁰ Сведения о «500 артикулов с выписки генерал-майора Степана Языкова» см.: ГВИА. Оп. 121. Св. 13. № 12.

¹¹ ПСЗ. Т. X. № 7740.

ми батогами или тростью «в обыкновенной препорции». Однако стремясь ограничить произвол военных начальников за несправедливое и жестокое отношение с рекрутами, последние лишались жалования на треть, а также чинов на время или навсегда, если последствием такого обращения был побег рекрутов¹².

Сурово преследовалось членовредительство с целью уклонения от службы в армии. По закону от 24 марта 1727 г. за отсечение пальцев с целью уклониться от службы полагалась «смертная казнь через десятого человека» либо вечная каторга с вырезанием ноздрей, назначаемая по Артикулу¹³. С 1730 г. для виновных в членовредительстве рекрутов было установлено наказание в виде прогона трижды сквозь строй шпицрутенами и отправка в солдаты, если они были годны к строевой службе; если не годны — «ссылка в Сибирь на заводы, на вечное житье»¹⁴. Указ 1758 г. предусматривал суровое наказание за членовредительство в виде вырывания зубов рекрутам, уклоняющимся от армии¹⁵.

Вероятно, нехватка «призывного контингента» заставила правительство несколько смягчить членовредителям наказание. Так, Генеральным учреждением о наборе рекрут 1766 г. было установлено, что если они остались годными к строевой службе, полагалось наказание шпицрутенами «три раза через 500 человек», в противном случае — «плети нещадно и вечная каторга»¹⁶.

По отдельным разрозненным указам преследовались иные правонарушения в армии:

а) «непристойные и противные разговоры против императорского величества» — наказание трехразовым прогоном через полк шпицрутенами¹⁷;

б) азартные игры в карты и кости — за первую игру наказание тройной штраф от суммы денег, находящихся в игре; за второй — для офицеров и знатных людей тюремное заключение, для «подлых людей» — нещадное битье батогами; за третий — штраф и битье «умножить вдвое», за все последующие случаи — наказание неопределенное, «еще жестче наказывать»¹⁸;

в) взятки и иные правонарушения «обиды», допускаемые офицерами во время на-

бора рекрут, — наказание в виде ссылки на галеры¹⁹;

г) неуставные взаимоотношения — наказывались в зависимости от последствий правонарушения (исключение из службы, из дворянского общества («из бесед и собраний»), лишение дворянства, чинов и ссылка на вечное житье в Сибирь, конфискация имущества, позорящие наказания, например, «прибитие имени к виселице»)²⁰.

Упоминания об иных разнообразных нарушениях воинской дисциплины и наказаниях за них встречаются и в литературе²¹.

Указами от 18 июня 1753 г. и 30 сентября 1754 г. императрица Елизавета I приостановила применение смертной казни, заменив ее «смертью политической», наказанием кнутом со ссылкой «в вечную каторжную работу, с вырезанием ноздрей»²².

Некоторые исследователи считают, что данный Указ не распространялся на военнослужащих²³. В обоснование данного мнения делаются ссылки на то, что ни в указе фельдмаршалу Ласси 2 августа 1743 г.,²⁴ ни даже в указе 30 сентября 1754 г.²⁵ ни слова не говорится об отмене или приостановлении смертной казни для военных.

«В настоящее время, — указывал по этому поводу И.Я. Фойницкий, — мы еще не имеем доказательств фактического применения смертной казни в войсках в эпоху императрицы Елизаветы, но полагаем, что таковая имела место»²⁶. Н.С. Таганцев же справедливо полагал, что

¹⁹ ПСЗ. Т. X. № 7482.

²⁰ ПСЗ. Т. X. № 7920; Т. XI. № 8618, 8754; Т. XII. № 8915, 9026; Т. XXII. № 16535.

²¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 300, 308; Дубровин Н.А. А.В. Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. СПб., 1886. С. 111–112; Рогулин Н.Г. Полковое учреждение А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб., 2005. С. 36–40, 53, 87 и др.; Записка графа С.П. Воронцова о русском войске (1802) // Русский архив. 1876. № 11. С. 347–348; Чудинов А.В. Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 93–95 и др.

²² ПСЗ. Т. XIV. № 10306; Т. XIII. № 10305.

²³ Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1862. С. 65; Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1896. С. 36; Мушников А.А. Указ. соч. С. 135; Сергеевский Н.Д. Лишение жизни как уголовное наказание // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 6. С. 849; Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 112 и др.

²⁴ Сергеевский Н. Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 7. С. 51–60.

²⁵ ПСЗ. Т. XIII. № 10305.

²⁶ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением. М., 2000. С. 142.

данная точка зрения является весьма спорной, поскольку указ Елизаветы I от 2 августа 1743 г. определенно предписывал «натуральной смертью никого из приговоренных в Финляндии русских солдат не казнить», «... хотя они и достойны за свое злодейство по закону Божью и по правам государственным наихудшей смертной казни, однако, мы от милосердия нашего смерти предать их не хотим»²⁷.

Смягчение карательной политики получило отражение и в последующих указах Елизаветы о приостановке исполнения приговоров о смертной казни «... такеж и войске»²⁸.

Правда, де-факто после смерти Елизаветы I суды неоднократно применяли казнь в отношении военнослужащих, например, поручика Мировича²⁹; 209 солдат Литовского полка, бежавших в армию Костюшко во время польского восстания³⁰, и др. В 1800 г. были казнены братья Грузиновых по конфирмации военно-судной комиссии³¹, в 1807 г. издано Высочайшее повеление о применении смертной казни к виновным в карантинных нарушениях³². Екатерина II прямо говорила, что смертную казнь за тяжкие воинские преступления невозможно признать отменной³³.

В Провиантских регулах 1758 г. содержались постановления о наказуемости совершаемых смотрителями военных магазинов подлогов по службе, записей в книге продуктов, принятия денег вместо продуктов и др. Смотрители подлежали ответственности по Воинскому Артикулу, с них взыскивались в двойной сумме казенные убытки; подрядчики же уплачивали пятикратную сумму убытка, отдавались в солдаты или профосы. Служащие в провиантских магазинах вахтеры, подписавшие подложные акты и не доложившие об этом по начальству, «сами к тому сообщники и интересованы явятся», наказываются батогами, а вахтеры унтер-офицерского звания «лишаются оно до выслуги»³⁴.

Указом от 3 апреля 1781 г. преступление, обозначавшееся общим термином «воровство», дифференцировано на кражу, мошенничество и грабеж, а предусмотренные за воровство наказания значительно смягчены; кроме того, отменено «причинение строгого телесного наказания», установленное Артикулом 1715 г. за маловажные кражи денег или вещей ценою менее 20 руб.³⁵

С учетом мировых и европейских тенденций развития цивилизованных социальных отношений во второй половине XVIII в. в России Екатериной II предпринимаются попытки «обозначить либеральные реформы в духе идей века», приведшие в итоге вместо действительных реформ к «салонной, литературной и педагогической пропаганде просветительных идей времени, к осторожному, но последовательно консервативному законодательству с особенным вниманием к интересам одного сословия»³⁶.

Однако нельзя сводить либеральные начинания эпохи просвещенного абсолютизма только лишь к неким внешним атрибутам. Идеи гуманизма нашли воплощение в реальной практике смягчения уголовных законов. Так, в литературе обоснованно признается, что членовредительные телесные наказания, имевшие до второй половины XVIII в. самостоятельное значение в системе воинских наказаний, перестают применяться под влиянием «Наказа» Екатерины II³⁷, признавшей в нем «всякое уродование тела противным человечеству»³⁸. Еще в марте 1762 г. было предписано не применять в отношении солдат и матросов батоги и кошки: «... милосердие побудит благодарность и благонравие, а не умножит дерзости»³⁹. По указу от 1 января 1782 г. военным судам предписывалось при назначении наказания руководствоваться общими началами Наказа, определяя кару по мере вины, заменяя жестокие виды наказания другими, «по роду преступлений

²⁷ Таганцев Н.С. Смертная казнь. СПб., 1913. С. 65.

²⁸ ПСЗ. Т. XII. № 8944, 9312; Т. XIII. № 10101, 10113; Т. XIV. № 10305, 10306, 10541.

²⁹ Максудов В.П. История 25-го пехотного Смоленского полка за два века его существования (1700–1900 гг.): в 2 т. СПб., 1900. Т. 1. С. 12.

³⁰ Костомаров Н.И. Конец Речи Посполитой. СПб., 1865. С. 122.

³¹ Русская Старина. 1878. № 10. С. 241.

³² Шендзиковский И.А. Конспект лекций по истории русского военно-уголовного законодательства. СПб., 1885. С. 155.

³³ Максудов В.П. Указ. соч. С. 115; Таганцев Н.С. Смертная казнь. С. 68.

³⁴ ПСЗ. Т. XIV. № 10788.

³⁵ ПСЗ. Т. XXI. № 15147.

³⁶ Ключевский В.О. О русской истории / сост., авт. предисл. и примеч. В.В. Артемов / под ред. В.И. Буганова. М., 1993. С. 503, 504.

³⁷ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н.Д. Чечулина // Памятники русского законодательства. 1649–1832 гг., издаваемые Императорской Академией Наук. СПб., 1907.

³⁸ Мушников А.А. Указ. соч. С. 135.

³⁹ Указ от 9 марта 1762 г. «О ненаказывании солдат и матросов за преступление батожем и кошками» // ПСЗ. Т. XVI. № 11467.

своиственными»⁴⁰. Жалованной грамотой дворянству⁴¹ и Городовым положением 1785 г. дворяне и купцы первых двух гильдий были освобождены от телесного наказания. В Жалованной грамоте указаны следующие преступления, влекущие за собой лишение дворянства: нарушение клятвы; измена; разбой; воровство всякого рода; «лживые поступки и преступления, за которые по законам имеет следовать лишение чести и телесное наказание, очевидно для лиц, от него не изъятых, причем приговоры судов о лишении дворянина его звания или жизни должны быть представляемы на Высочайшее утверждение».

Таким образом, наблюдается эволюция уголовного наказания: от физического воздействия на преступника к нравственному влиянию на личность⁴². Правда, о подлинной гуманизации отношений в армии можно говорить, только начиная с середины XIX в., когда законом 1863 г. отменялись наказания шпицрутенами, плетью, кошками, клеймением и др., унижающие человеческое достоинство⁴³.

Интересно, что ведущие русские полководцы того времени П.А. Румянцев, и А.В. Суворов совершенно не разделяли увлечения Екатерины II европейскими политическими идеями. Если Екатерина в своей государственной деятельности опиралась на идеи европейских философов, то П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин и А.В. Суворов старались совершенствовать русскую армию на основе возобновления традиций русского военного искусства. Побой и жестокие наказания при них преследовались, офицеры должны были выступать как защитники и друзья солдат⁴⁴. Враждебность А.В. Суворова к французской «просветительной» философии общеизвестна⁴⁵. Был свободен от увлечения вольтерьянством и учитель А.В. Суворова — П.А. Румянцев.

«Историки левого толка, — пишет А.А. Керсновский, — в том числе и Ключевский, стре-

мятся изобразить Румянцева “крепостником”, намеренно искажая правду. Победитель при Кагуле, точно, не жаловал утопий Руссо, входивших тогда в моду у современных снобов, и сознавал всю их антигосударственность, что делает честь его уму»⁴⁶. «Русская армия тех времен, — продолжает он, — мало походила на другие европейские армии. Она глубоко от них разнилась и внешним видом... и обучением — моральным воспитанием, а не европейской бездушной дисциплиной... Телесные наказания, и так очень редко применявшиеся Румянцевым, были при Потемкине совершенно выведены из обихода армии. Этим отсутствием заплочных дел мастеров, отсутствием тем более знаменательным, что телесные наказания официально отменены не были, русская армия будет всегда гордиться»⁴⁷.

Некоторая либерализация политической жизни верхушки российского общества второй половины XVIII в., ставшая возможной благодаря «идеологической» деятельности «императрицы-философа», имела и обратную сторону — она отрицательно отразилась на армии, основанной на началах строгой дисциплины. Наблюдается упадок нравов в среде русского офицерства, в эпоху фаворита П.А. Зубова расцветают многие нездоровые явления⁴⁸. В царствование Екатерины II только в воинских частях, подчиненных П.А. Румянцеву и А.В. Суворову, царили настоящий воинский дух и строгая дисциплина. Но в большинстве из них были порядки, далекие от заведенных А.В. Суворовым. Даже «мозг» государственного военного организма — Генеральный штаб, по свидетельствам очевидцев, был дезорганизован, с ним совершенно не считались главнокомандующие в силу своих связей при дворе. Они, минуя начальника Генерального штаба (тогда называвшегося Генерал-квартирмейстером), в своих округах самолично производили и назначали офицеров Генштаба, т.е. в самой верхушке военного организма воцарилась анархия. По свидетельству Безбородко, в 1795 г., «...накануне вступления Павла на престол, из 400 тысяч солдат и рекрут, 50000 было растащено из полков для домашних услуг и фактически обращены в крепостных. В последние годы царствования Екатерины офицеры ходили в дорогих шубах с муфтами в руках, в сопровождении егерей или “гу-

⁴⁰ ПСЗ. Т. XXI. № 15313.

⁴¹ ПСЗ. Т. XXII. № 16187.

⁴² Палкомбецкий А. О происхождении и распространении пенитенциарной системы: Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета 30 августа 1854 г. Харьков, 1854. С. 56.

⁴³ Арзамаскин Ю.Н., Шеин И.А. Российские самодержцы и армия // Военно-исторический журнал. 1994. №9. С. 73.

⁴⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 1. М. — Л., 1928. С. 291.

⁴⁵ См.: Башилов Б. Борьба за повышение боеспособности русской армии // [http:// bibliotekar.ru/](http://bibliotekar.ru/)

⁴⁶ Керсновский А.А. История русской армии 1700–1881. М., 2004. С. 102.

⁴⁷ Там же. С. 144.

⁴⁸ Жданов Л. Последний фаворит. Екатерина II и Зубов. М., 2007. С. 119.

сар”, в расшитых золотом и серебром фантастических мундирах»⁴⁹.

В это время на западе бушевала Французская революция, революционные войска одерживали победу за победой с помощью совершенно новых, невиданных до того военных приемов. Допуская, что монархической России придется бороться с войсками революционной Франции, вступив на престол, Павел I приступил к реформированию армии. В течение своего царствования им было уволено в отставку 7 фельдмаршалов, более 300 генералов и свыше 2000 штаб-офицеров и обер-офицеров.

Массовое увольнение офицеров из армии нельзя объяснить только «самодурством» Павла, как это обычно изображается, а необходимо объяснять его борьбой с нарушениями воинской дисциплины, казнокрадством, «растаскиванием» солдат из полков и другими должностными преступлениями начальствующего состава. Нельзя, конечно, отрицать, что отставка всех и всегда была справедливой, наверняка было немало случаев неправильного увольнения. Но в массе из армии были устранены лица, которые мешали ее совершенствованию.

Пора сибаритства и манкирования военным долгом прошла, всех офицеров Павел заставил много и упорно работать в целях поднятия армейской дисциплины на более высокую ступень. «Павловская муштра, — признает А. Керсновский, — имела до некоторой степени положительное значение. Она сильно подтянула блестящую, но распущенную армию, особенно же, гвардию конца царствования Екатерины. Щеголям и сибаритам, манкировавшим своими обязанностями, смотревшими на службу как на приятную синектуру и считавшими, что «дело не медведь — в лес не убежит» — дано понять (и почувствовать), что служба есть прежде всего — служба. Порядок, отчетливость в «единообразии» всюду были наведены образцовые»⁵⁰.

Через год после восшествия Павла I, в конце 1797 г. Ф.В. Ростопчин пишет С.Р. Воронцову: «Нельзя себе представить, не видевши, чем сделалась наша пехота в течение одного года. Я видел ту, которая стоила столько трудов покойному прусскому королю (т.е. Фридриху Великому), и я уверяю Вас, что она уступила бы нашей»⁵¹.

Допустим, что Ф.В. Ростопчин, бывший сторонником Павла I, зачастую преувеличивает значение павловских реформ⁵², но мы имеем оценку происшедших в армии перемен, принадлежащую перу историка Н.К. Шильдера, написавшего обширное исследование о Павле I. Н.К. Шильдер, изучивший большое число документов царствования Павла I, пишет то же самое, что и Ф.В. Ростопчин: «Образ жизни гвардейских офицеров совершенно изменился. По словам очевидца, «при Императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общество, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учили нас всех, как рекрут»⁵³.

Строгая дисциплина, введенная в армии, и преследование лиц, нарушающих ее, наказание начальников, превращающих солдат в своих крепостных, привело к тому, что дворяне стали уходить в отставку, поступать в гражданские учреждения. Тогда Павел издал ряд указов, затрудняющих дворянам переход на гражданскую службу. В 1798 г. было запрещено уходить в отставку до получения первого офицерского чина⁵⁴. Дворян, не служивших в армии и уклоняющихся от службы в выборных должностях, Павел повелел предавать суду⁵⁵. 12 апреля 1800 г. был издан указ, по которому вышедшие в отставку из армии дворяне лишались права поступать на штатскую службу⁵⁶.

Мероприятия, предпринятые Павлом I против дворянства, его борьба за повышение дисциплины в армии, увольнение бездеятельных и виновных в должностных преступлениях офицеров породили массу врагов в среде дворянства (почти все офицеры в армии в те времена были дворянами).

Решение вопросов военного строительства, зависевшее от субъективных взглядов императора, не всегда соответствовало требованиям времени, шло иногда вразрез с на-

⁵² Последние дни жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования Павла I // Чтения Московского Общества Истории и Древностей. 1860. Кн. III. С. 98.

⁵³ Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 35.

⁵⁴ «Офицеры, которые не выслужили более года, если они будут просить об увольнении от службы, то будут исключены из оной наравне с прапорщиками за лень». Увольнение с подобной формулировкой было равнозначно «волчьему билету» и лишало его обладателя возможности впредь устроиться не только на гражданскую службу, но и на любую должность в дворянском самоуправлении (Меленберг А. Павла I задушила жаба, и он стал отменять льготы своим подданным // <http://www.novayagazeta.ru/data/2005/12/23.html>).

⁵⁵ ПСЗ. Т. XXV. № 19238.

⁵⁶ ПСЗ. Т. XXV. № 1998.

⁴⁹ Башилов Б. Борьба за повышение боеспособности русской армии // <http://bibliotekar.ru>.

⁵⁰ Керсновский А. Указ. соч. С. 156.

⁵¹ Записки графа С.Р. Воронцова о русском войске // Русский архив. 1876. № 11. С. 347–348.

циональными обычаями русской армии. Приверженность Павла I, а затем и Александра I, Николая I прусской военной организации породила плацпарадные традиции. Муштра как основной метод обучения и воспитания войск, дававший положительные результаты в наемной армии Фридриха Великого, не соответствовала духу коллективизма и традициям русской армии. Военный историк А.Ю. Кривицкий отмечал, что смерть Павла положила конец официальному владычеству гатчинской системы, но не разрушила ее окончательно. Рецидивы гатчинщины не раз вспыхивали в старой русской армии «вплоть до последних дней ее существования»⁵⁷. Павел I отменил действовавшие уставы русской армии и морского флота⁵⁸, 29 ноября 1796 г. ввел в действие прусские воинские уставы: Воинский устав о полевой кавалерийской службе; Правила о службе кавалерийской; Воинский устав о полевой пехотной службе. Эти уставы во многом не соответствовали духу и традициям русской армии, под страхом строгого наказания требовали слепого повиновения военнослужащего⁵⁹.

Столь радикальные методы, с помощью которых Павел стремился преобразовать некоторые сферы жизни российского общества, породили далеко не лестные оценки его деятельности среди исследователей. Так, Н.И. Фалеев, характеризуя юридическую сторону военных преобразований, писал: «Правосудие времен Павла отличалось своеобразной физиономией, которой не суждено уже повториться в истории: значение военно-уголовного закона было затуманено “усмотрением” и авторитетом командной власти, и военный суд носил характер скорорешительного трибунала, преследующего цели быстроты репрессии в ущерб справедливости. Словом, эпоха Павла явилась колоритным, отражением военного права всего XVIII ст.»⁶⁰.

В эпоху Павла не было выработано каких-либо серьезных новшеств в сущности и объеме понятия воинского преступления и наказания. Однако наблюдается тенденция расширительного толкования воинского преступления. Под ним понималось не только всякое действие, запрещенное уголовным законом, за которое назначалось наказание, но и действие, которое могло быть запреще-

но административным распоряжением воинского начальника. Подтверждением этому служит манифест от 2 апреля 1801 г. «Об облегчении участи преступников», который освобождал от преследования и наказания виновных вовсе не за преступления⁶¹.

Условия военной службы того времени давали административной власти широкий простор в оценке поведения военнослужащего и соответствия его действий интересам военной службы; при отсутствии такого соответствия налицо было преступное деяние. Таким образом, никто не мог знать, что преступно и что разрешено⁶².

Император Павел чуть ли не ежедневно «изобретал» новые преступления, рост которых шел с невероятной быстротой: сегодня самым подробным образом регламентируется порядок посещения маскарадов; завтра — портным возбраняется шить военнослужащим из немоченого сукна, запрещается танцевать вальс, носить низкие большие букли, обрезанные на концах косы, высокие воротники и т.д.⁶³

Также полный произвол господствовал в вопросах классификации воинских преступлений по их тяжести. Даже сам представитель карательной власти в войсках не мог в каждом отдельном случае определить: будет ли к виновному применено «отставление от службы», ограничатся строгим выговором или отправят в Нерчинск на работу⁶⁴.

Невозможно было провести различия между воинским и общим преступлением, так как и здесь выдвигались чисто случайные, личные условия, коренившиеся в том же всемогущем «усмотрении воинского начальника»⁶⁵.

Нельзя сказать, что в армии павловской эпохи полностью игнорировалось существующее военно-уголовное законодательство. Воинский Артикул 1715 г. еще продолжал действовать. Суды писали свои сентенции, ссылаясь на Артикул; в войсках читались те же грозные военно-уголовные постановления, направленные на поддержание дисциплины, часть из которых даже попала в последующие своды военно-уголовных узаконений⁶⁶.

⁶¹ ПСЗ. Т. 26. № 20022.

⁶² Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 38.

⁶³ Указы императора Павла // Русская Старина. 1884. № 8. С. 232.

⁶⁴ Архив Главного Военно-Судного Управления. Дело о чиновниках // ГВИА. Оп. 121. Св. 1. № 21.

⁶⁵ Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 114.

⁶⁶ Свод Российских узаконений по части военно-судной 1820 г.; Дополнение к Своду Российских узаконений по части военно-судной 1822 г.

⁵⁷ Кривицкий А. Традиции русского офицерства. М., 1945. С. 20.

⁵⁸ Елагин С. Материалы для истории русского морского законодательства. СПб., 1859. С. 12.

⁵⁹ См.: ПСЗ. Т. XXIV. № 17588; Т. XXV. № 18330–19056.

⁶⁰ Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 113.

Но оценка преступлений всецело была передана военной власти, на обязанности которой лежала и квалификация деяния. Таким образом, все зависело от индивидуальных свойств воинского начальника; часто случалось, что однородные деяния признавались разными начальниками различными преступлениями. Вместе с этим и институт наказания, не имея уже опоры в законодательстве, конструировался начальством исходя из собственных соображений. Все находилось в неограниченной и бесконтрольной власти начальника⁶⁷.

Виды применяемых к военным служащим наказаний в павловскую эпоху дают возможность установить материалы работы комиссии по разбору дел осужденных военным служащих, учрежденную Александром I в 1801 г.⁶⁸

Наиболее активно использовались наказания, поражающие служебные права виновных: исключение «из службы»; разжалование и отрешение от должности или командования. Значительно меньшее распространение получили меры, направленные на лишение свободы преступника: каторга, поселение и заключение в крепость.

Активное применение наказаний первой группы объясняется, с одной стороны, дешевизной подобных мер, с другой — легкостью и удобоисполнимостью. Первенствующее значение среди них получает исключение «из службы», которое применялось или в форме наказания, или в виде административной меры, назначаемой до суда. В царствование Павла I исключению из службы придавалось весьма серьезное уголовно-политическое значение: эта мера прежде всего удаляла из армии неугодных императору лиц⁶⁹; кроме того, ее применение не являлось затратным для государства, не тратились деньги на содержание преступника. Наказание зачастую соединялось с лишением чинов; лишением чинов и дворянства; изъятием патентов; изъятием патентов и заключением в крепость на срок; заключением в смиренный дом; ссылкой на житье в Сибирь; лишением чинов и ссылкой в Тобольск «под присмотр»; лишением чинов и заключением в крепость; лишением чинов и церковным покаянием.

⁶⁷ История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб., 2003. С. 489.

⁶⁸ Указ от 15 сентября 1801 г. «Об учреждении комиссии для пересмотра прежних уголовных дел» // ПСЗ. Т. 26. № 19782.

⁶⁹ Неугодные Павлу офицеры и генералы исключались «из службы» нередко за ничтожные провинности, причем документы об их увольнении составлялись в крайне обидных и даже оскорбительных для увольняемых выражениях (История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. С. 490).

Исключение «из службы» применялось за: «употребление нижних чинов в партикулярную работу»; недонесение о совершенном преступлении по сентенции военного суда либо без суда по приказам генералов, штаб- и обер-офицеров.

Разжалование, или «написание в рядовые», занимает следующее место по своей распространенности. Наказание в виде разжалования в рядовые соединялось с лишением дворянства, заключением в смиренный дом, битьем плетью.

Лишение чинов как самостоятельное наказание имело сравнительно небольшое применение. В виде дополнительного наказания оно сопровождало: высылку за границу иностранцев, состоявших на русской военной службе; церковное покаяние и отобрание патентов.

Самым строгим наказанием была каторга, «применявшаяся иногда и без суда»⁷⁰. Дополнительными последствиями каторги выступали: лишение чинов; лишение чинов и дворянства; лишение чинов и «отставление» из военного звания; лишение чинов, «отставление» из военного звания и кнут; лишение чинов, «отставление» из военного звания и постановление указных знаков; «отставление» из военной службы, кнут и постановление указных знаков; кнут.

Строго определенного перечня преступлений, за которые применялось наказание в виде каторги, не было. Наряду с грабежом, вымогательством встречается ее назначение за растрату казенных вещей, бездействие власти, вымогательство подарков, оскорбление начальников, удержание вещей и денег у нижних чинов и т.п.⁷¹

Заключение в крепости применялось в большинстве случаев только тогда, когда преступлением затрагивались или интересы государственной казны, или собственность частных лиц. Довольно часто оно назначалось за растрату казенных денег, невыдачу провианта и жалования нижним чинам, «употребление нижних чинов в партикулярную работу», присвоение казенного имущества, умышленное его повреждение, причинение «обид» обывателям, занятие квартир под постройку и т.д. Кроме этого, данное наказание применялось к виновным в нарушении обязанностей караульной службы, в превышении власти и др., т.е. в воинских преступлениях. В первом случае власть, имея в виду возмеще-

⁷⁰ Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 115.

⁷¹ Архив Главного Военно-Судного Управления. Дело о чиновниках // ГВИА. Оп. 121. Св. 1. № 21.

ние убытков казны, прямо указывала наказание крепостью «для заработка» или «заработать деньги», во втором — заменяло крепостью телесное наказание для военнослужащих, принадлежащих к привилегированным сословиям. Дополнительными наказаниями к заключению в крепость выступали: принудительные работы; лишение чинов; лишение дворянства; лишение чинов и дворянства; лишение воинского звания; лишение чинов и разжалование в рядовые; исключение из службы.

Ссылка на поселение военнослужащих всегда сопровождалась лишением чинов. Применялась она довольно часто в случаях причинения побоев, насилия или истязания. Последствиями ссылки были лишение чинов и воинского звания, лишение чинов и дворянства.

Разница между поселением и ссылкой на жительство заключалась, во-первых, в сроках наказания (ссылка на жительство являлась всегда наказанием срочным, в противоположность поселению); во-вторых, при поселении назначался принудительный труд; сосланные на жительство — только удалялись из общества и исключались «из службы».

Следует констатировать, что к моменту совершения государственного переворота и воцарения императора Александра I разрыв между законом и реально существовавшей практикой его применения «достиг кульминационного пункта: армия имела свой военно-уголовный кодекс, который, однако, в жизни совершенно не применялся»⁷². Еще Екатерининская комиссия 1762 г. признавала его несоответствующим «нравам и воспитанию» народа⁷³; во времена Павла это несоответствие проявило себя еще резче, еще колоритнее.

С восшествием на престол Александр I поставил задачу привести воинские наказания в соответствие с требованием времени, избавив их «от несвойственных им приделков» и, главное, выработать их более или менее стройную систему⁷⁴.

Была необходима реформа обветшалого военно-уголовного законодательства в России. В Западной Европе в это время уже шли преобразования в сфере военно-уголовного права: во Франции появились бесчисленные военно-карательные постановления, дополнявшие или изменявшие революционные законы; в Пруссии велись работы по созданию

нового военно-уголовного кодекса⁷⁵. Кроме того, военные действия Наполеона заставили под иным углом зрения взглянуть на значение армии в государстве и потребовали привести ее в соответствие с армиями соседей.

Однако непосредственная разработка нового военно-уголовного законодательства начинается вестись только в 1811 г. законодательной комиссией Магницкого. В результате в 1812 г. было создано «Учреждение для управления о Большой Действующей Армии», в которое вошли Полевое Уголовное уложение и Устав полевого судопроизводства⁷⁶.

Полевое Уголовное уложение 1812 г.⁷⁷ характеризуясь лаконичностью, ясностью и целеустремленностью правовых норм, предусматривало новую лестницу наказаний военнослужащих. Последняя включала: смертную казнь; «гражданскую смерть»; лишение всех или некоторых чинов; изгнание из армии; телесные наказания, в том числе «прогнание сквозь строй»; разжалование в рядовые; заточение; ссылку; исключение «из службы»; конфискацию; денежные взыскания.

На формирование лестницы воинских наказаний Уложения 1812 г. повлияли два фактора: с одной стороны, заимствования французского права; с другой — военно-судебная практика России. «Заимствовать систему наказаний из Франции целиком не представлялось возможным, — писал Н.И. Фалеев, — так как это повлекло бы за собой построение новых мест отбытия наказаний, удорожило бы самое наказание, сделало бы его менее подвижным и удобоисполнимым. Надо было заимствовать осторожнее и устанавливать только наиболее дешевые и вместе с тем рациональные меры воздействия. В этой области составители уложения проявили большую самостоятельность и изобретательность»⁷⁸.

Среди особенностей Уложения 1812 г. отметим следующие. Во-первых, это дальнейшая дифференциация наказаний по субъектам применения. Развитие базисных и надстроечных, военных и уголовно-правовых отношений повлекло последующую и все большую по сравнению с предшествующей эпохой дифференциацию видов наказаний и

⁷⁵ Друцкой С.А. Иностранное военно-уголовное законодательство. СПб., 1908. С. 87, 95, 118.

⁷⁶ Друцкой С.А. Очерк истории русского военного права. СПб., 1904. С. 160; Заусцинский П. История кодификации русского военного законодательства. СПб., 1908. С. 265; Его же: Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформ XIX века. СПб., 1909. С. 287.

⁷⁷ ПСЗ. Т. XXXII. № 24975.

⁷⁸ Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 219.

⁷² Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 118.

⁷³ ГВИА. Оп. 121. Св. 17. № 22. Л. 14.

⁷⁴ Друцкой С.А. Дополнение к очерку истории русского военного права. СПб., 1905. С. 34.

их исполнения, применяемых к нижним чинам и офицерскому составу. Это объяснялось не только определенной преемственностью законодательства, но прежде всего естественной неодинаковой ролью указанных субъектов в целом в военном деле. Кроме того, различный подход к назначению уголовного наказания разным категориям военнослужащих определялся политическими соображениями: сословным характером государства и всяческим поощрением этого обстоятельства властью, пытавшейся восстановить пошатнувшийся в результате павловских реформ статус дворянства. Исследователи отмечают, что в этом Александр I пошел еще дальше Екатерины II. Были введены новые широкие права привилегированных сословий — опоры самодержавия. Для них, в частности, отменялись телесные наказания, заковывание в железо, значительно облегчались тяжесть и характер самих наказаний⁷⁹. Не случайно с 1824 г. в целях большей индивидуализации наказания в приговорах военных судов требовалось обязательно указывать чин осужденного и режим лишения свободы: «кого из приговоренных содержать в крепости, кого в казематах, а кого на гауптвахте»⁸⁰.

Во-вторых, применение наказаний решалось только военным судам, что резко отличает Уложение от всего предшествующего российского военно-уголовного законодательства, допускающего расширительное применение воинских наказаний в отношении гражданского населения не только военными судами, но и общегражданскими. Тем самым появилось основание к формированию в начале XIX в. в России отдельной специальной отрасли — военно-уголовного права.

Эта тенденция не получила дальнейшего развития. В последующем (вплоть до 1839 г., когда Уложение прекратило свое действие), Уложение 1812 г. в мирное время начинает применяться к ссыльнокаторжным, оказавшим сопротивление начальству, к лицам, участвовавшим в «возмущении» горцев или в убийстве преданных России горских старшин, и т.д.⁸¹

В-третьих, преемственность Уложения 1812 г. с предшествующим уголовным законодательством России. Оно сохранило традиции русского уголовного права XVII–XVIII вв.,

в системе наказаний превалировала смертная казнь. Из 73 статей Уложения 1812 г. 27 предусматривают этот вид наказания. Исполнялось оно только путем расстрела через двое суток после утверждения приговора (ст. 79). Смертная казнь могла быть назначена за самые разнообразные преступления: измену, подговор к побегу, побег к неприятелю, побег с поля сражения, «с часов», неисполнение приказа начальника, поднятие руки на начальника, грабеж, поджог, насилие над женщиной и т.п. В трех случаях Уложение 1812 г. предписывало совершать децимацию: в отношении виновных в заговоре к побегу в неприятельскую армию; в отношении неповинующейся команды и части войск, покушавшейся на грабеж или поджог, истребление лесов и жатв или убийство жителей.

Основываясь на традициях Воинского артикула 1715 г., в Уложении 1812 г. были предусмотрены положения о таком наказании, как гражданская смерть. В противоположность смерти физической последняя основывалась на юридической фикции. Ее сущность сводилась к тому, что виновный лишался всех гражданских прав и как опороченное лицо устранялся из общества честных людей. Можно предположить, что составители Уложения 1812 г. сконструировали это наказание, исходя из соображений, которые лежали в основе петровского института шельмования.

Лишение всех чинов и изгнание из армии влекло для осужденного высылку «внутрь Империи и воспрещение жить в столицах» (ст. 28 Уложения).

Разжалование в солдаты применялось не только к офицерам и чиновникам, но и к унтер-офицерам, которые при этом подвергались такому наказанию, как прохождение сквозь строй. При разжаловании на время предписывалось определять осужденных в другие полки по выбору и усмотрению начальства, а осужденных к вечному разжалованию — в дальние гарнизоны (ст. 83, 84 Уложения).

Заточение предполагало помещение осужденного в крепости, но срок в одном случае зависел от усмотрения суда, в остальных определялся в один, два и три года.

Ссылка, назначаемая по Уложению 1812 г., отбывалась осужденными в Сибири (ст. 86).

Наказание прохождением сквозь строй применялось в случаях побега солдата «с часов или караула», отсутствия на месте во время похода против неприятеля, сна «на часах», «ограбления мертвых и раненых» (ст. 16, 28, 44, 67, 68 Уложения). Конкретная мера этого наказания обозначается только в двух статьях: 67 — через «пятьсот человек

⁷⁹ Толкаченко А.А. Правовые основы исполнения уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 68.

⁸⁰ ПСЗ. XXXIX. № 29795.

⁸¹ Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-уголовное право. Общая часть. Спб., 1895. С. 241.

один раз»; 68 — вдвое; в остальных случаях вопрос передавался на усмотрение воинских начальников.

Телесные наказания, соединенные с изгнанием из армии, могли применяться только к лицам, принадлежащим к армии: мастеровым, подрядчикам, маркитантам, слугам и т.д. (ст. 20, 21 Уложения). Изгнание из армии, соединенное с исключением «из службы», применялось только к офицерам в тех случаях, когда подчиненная ему команда совершением преступных действий показывала его неспособность к выполнению своих обязанностей, например в случае обнаружения командой трусости или подачи ею жалоб на начальника (ст. 42, 49 Уложения).

Как самостоятельные наказания, исключение «из службы» и изгнание из армии назначались начальникам, оскорблявшим подчиненных офицеров, за кражу и прием краденого (ст. 45, 51, 70 Уложения).

Таким образом, исключение «из службы» было чисто военно-карательной мерой, применявшейся за воинское преступление. Наоборот, изгнание из армии представлялось дополнительной мерой к денежному взысканию, так как главным наказанием являлся штраф, а изгнание уже вызывалось необходимостью удалить из армии непригодное ей лицо. Можно предположить, что такое удаление имело своей целью подействовать на духовную сферу виновного, на его честь, поэтому и носило позорный характер.

Из денежных взысканий следует выделить: 1) конфискацию всего имущества виновных в грабеже, разбое, поджоге и приеме краденого; 2) денежный штраф в виде ординарной, двойной и тройной цены украденных, испорченных и т.п. вещей (ст. 70, 71 Уложения).

Самостоятельным видом уголовного наказания являлись коллективные наказания, которые могли применяться в случаях совершения преступления целой воинской частью. Так, за неповиновение зачинщики и участвовавшие начальники подвергались смертной казни; начальники, не предупредившие преступления, — разжалованию до выслуги; нижние чины — децимации; то же относится и к случаям грабежа, поджога и т.п. (ст. 36 Уложения). Могла быть наказана команда, проявившая в бою трусость: на другой день после преступления у нее отбирались знамена, офицеры лишались шпаг, нижние чины ружей; затем команда выводилась перед войском и, неся вместо знамени белую доску с надписью «трусые», проходила перед ним, после чего нижние чины направлялись в разные полки, а офицеры подвергались изгнанию из

армии и исключению «из службы» (ст. 42 Уложения).

После войны 1812 г. из воинских наказаний наибольшее распространение получили: телесное наказание в отношении нижних чинов и разжалование в отношении офицеров. «Первое, — как справедливо отмечали исследователи, — выросло в чудовищную форму, второе выродилось во всеобъемлющую кару»⁸². Современники отмечали, что после известных событий декабря 1825 г. и воцарения Николая I в армии вновь стало входить в норму грубое с офицерами и жестокое с нижними чинами обращение⁸³. Произвол разрастался. Охранительно-консервативная политика власти превратилась в агрессивно-реакционную, проявлением которой стало, в частности, ужесточение военно-уголовных наказаний⁸⁴. «Дух угнетения, — свидетельствовал Л.Н. Толстой, — до того распространился в нашем войске, что жестокость есть качество, которым хвастают самые молоденькие офицеры. Засекают солдат, бьют всякую минуту, и солдат не уважает себя, ненавидит начальников, а офицер не уважает солдата и наслаждается в присущем каждому человеку чувстве угнетения»⁸⁵. Суровая военная дисциплина грозила солдату ежедневно розгами, плетью, а то и прохождением сквозь строй. Шпицрутены в 3000 ударов были обычным делом⁸⁶.

В это же время в соответствии с изменяющейся обстановкой предпринимаются неоднократные попытки по новому законодательно сформулировать и практически реализовать общие и специальные цели уголовных наказаний военнослужащих, с их учетом и в качестве средства реализации поставленных целей построить адекватную систему воинских уголовных наказаний.

Еще при вхождении на престол Александр I хотел освободить войска от обязанностей, отвлекающих их от прямого назначения и не соответствующих достоинству воина. Однако в период наполеоновских войн требовалась усиленная деятельность по постройке крепостей, фортификационных, казарменных и иных сооружений оборонного характера. Ис-

⁸² Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 124.

⁸³ Епанчин Н.Е. Тактическая подготовка русской армии перед походом 1828–1829 гг. СПб., 1904. С. 24, 46–47; Столетие Военного министерства. СПб. Т. X. С. 131; Толстой Л.Н. Проект реформирования армии: собр. соч.: в 22 т. Т. 16: Публицистические произведения. М., 1983. С. 399.

⁸⁴ Калош В., Уланов В. Три века. Россия от смуты до нашего времени. Т. 6. М., 1995. С. 74.

⁸⁵ Толстой Л.Н. Проект реформирования армии. С. 403.

⁸⁶ Толмачев Е.П. Александр II и его время. М., 1998. С. 332.

ходя из соответствующей оборонной и экономической политики государства, использование дешевого солдатского труда продолжало оставаться одной из целей военно-уголовных наказаний. Несмотря на это, специальные цели мер уголовного принуждения все же не сразу, а постепенно, через объективные и субъективные препоны стали приобретать все большее значение и проявлялись в различных формах.

Продолжающаяся объективная потребность в многочисленном войске, комплектуемом путем рекрутского набора, и многократное увеличение числа судимых, попадающих таким образом на службу⁸⁷, обусловили необходимость создания специальных воинских формирований, через которые, как через сито, пропускаться набираемый в армию контингент. С учетом высокой криминализации призываемого состава, а также того, что отдача на военную службу при рекрутском наборе ассоциировалась с видом наказания⁸⁸, все новобранцы подразделялись на три группы:

- а) поступающие непосредственно на службу в действующие войска;
- б) отдаваемые предварительно в исправительные отделения (существовавшие при каждом соединении);
- в) направляемые в арестантские и военно-рабочие роты инженерного и других ведомств.

При этом изначально, в идеале преследовались прогрессивные цели, о которых в специальном Положении об исправлении порочных людей было сказано так:

- исправление преступника путем религиозно-нравственного на него воздействия, без разобщения его от непорочных людей, с применением обязательного принудительного труда;
- постепенное приучение правонарушителя к нормальным условиям жизни путем испытания его воли, при тех же условиях нравственного влияния на него непороч-

ной среды (т.е. проверка действительного исправления)⁸⁹.

В этих шагах видится первоначальная идея направления военнотружущих в специально создаваемые воинские дисциплинарные части. Эта практика впоследствии получила преобладающее значение как самое распространенное специальное воинское наказание.

Организация таких подразделений в рассматриваемую историческую эпоху намечалась лишь в самых общих чертах, однако можно проследить и выделить некоторые основные начала, на которых впоследствии базировалось и продолжает базироваться ныне наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части:

1) сравнительная краткосрочность содержания (до 3-х лет) военнотружущих с тем, чтобы не отрывать их на длительный срок от армии и флота;

2) более строгий, чем в армии, режим, соединяющий как порядок военной службы, так и факторы места лишения свободы одновременно;

3) воинское обучение и воспитание непосредственно в месте заключения, направленные к приучению содержащегося лица к требованиям воинской службы, подчиненности и чинопочитания, т.е. к воинскому правопорядку;

4) тесная связь с армией, культивирование этой связи, а также сознание заключенным того, что во время исправительного на него воздействия он продолжает находиться на службе, предусматривающей особые воинские обязанности и ответственность;

5) отсутствие позорящих карательных последствий рассматриваемого наказания, которые бы ограничивали политический, гражданский или военно-правовой статус и лишали наказанного возможности продолжать службу и иметь воинское звание.

Несмотря на благородство идей, исполнение наказания, устройство исправительных частей и детали установленного порядка, исправления были настолько примитивны, а должностные лица, их применяющие, настолько не подготовлены, что эффективность данного средства воздействия была крайне низкой, а в ряде случаев оно оказывало обратное отрицательное влияние⁹⁰.

⁸⁹ Толкаченко А.А. Правовые основы исполнения уголовных наказаний. С. 69.

⁹⁰ Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Скверный анекдот // полн. собр. соч. Т. 3. СПб., 1894; Фалеев Н.И. Цели воинского наказания. СПб., 1902. С. 8–11; Никитин В.Н. Быт военных арестантов в крепостях. СПб., 1873;

⁸⁷ Заусцинский П.Ф. История кодификации. С. 323; Рыженков М.Р. Армия не место для преступников и бродяг // Военно-исторический журнал. 2000. № 1. С. 94.

⁸⁸ Например, в соответствии с Уставом рекрутским от 28 июня 1831 г. сельские и городские общества могли сдавать жителей в рекруты в качестве наказания за кражу, бродяжничество, неуплату податей и непокорность властям (ПСЗ. Собр. II. Т. IV. № 3236). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало отдачу в солдаты как самостоятельное наказание за бродяжничество, как заменяющее наказание для изъятых от телесных наказаний вместо ссылки на поселение и исключения из служб (ст. 80, 81 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // ПСЗ. Собр. II. 1846. Т. XX. № 41476).

При Николае I под руководством М. Сперанского была реализована вековая задача по изданию Полного собрания законов Российской империи в 45 томах. Свод законов был напечатан в конце 1832 г., вступил в действие согласно Манифесту царя от 31 января 1833 г. с первого января 1835 г.⁹¹

Свод Законов должен был представлять собой собрание всех законов, однако на самом деле он не объединил в себе всех отраслей права, в частности, в него не вошли военные постановления. Свод военных постановлений был издан позднее, в 1839 г.⁹²

Устав военно-уголовный 1839 г., конечно, был далек от идеала; наоборот, его постановления, основанные частью на Артикуле воинском 1715 г., частью на Полевом Уголовном Уложении 1812 г., представляли собой «потерявшие жизненность данные»⁹³. Тем не менее он восстановил единство российского военно-уголовного законодательства.

Первая часть Устава 1839 г. включала Полевое Уголовное Уложение 1812 г. и подлежала применению только в военное время. Вторая часть была составлена на основе Артикула воинского 1715 г. и использовалась только в мирное время. Отсюда крайние несоответствия и противоречия не только в общих положениях Устава 1839 г., но и в наказуемости одних и тех же преступлений, причем нередко в военное время наказания предусматривались менее строгие, чем в мирное. Иначе и не могло быть, так как по существу своему Устав 1839 г. был «не что иное, как простой свод существовавших прежде постановлений», которые не могли образовать «полного и стройного целого»⁹⁴.

Лестница воинских наказаний по Уставу 1839 г. представляла собой хаотическую смесь уголовных кар, поражавших своей пестротой и излишним многообразием. Во главе всех карательных мер была поставлена смертная казнь; за ней следуют наказания, поражающие свободу виновного: ссылка на каторжную работу, на поселение в отдаленные губернии; заключение в арестантские

роты; заточение в крепости; арест на гауптвахте; отдача в солдаты.

К наказаниям, поражающим честь виновного, относились:

- политическая смерть;
- гражданская смерть;
- лишение всех прав состояния;
- шельмование;
- лишение дворянства, чинов, орденов, знаков отличия, патентов, отставки, временных отпусков;
- испрошение прощения; исключение из военного звания;
- отрешение от должности;
- отставление и исключение «из службы»;
- изгнание из армии;
- высылка за границу; перевод в другие воинские части.

Из телесных наказаний Устав 1839 г. знает клеймение, «прогнание сквозь строй», кнут и плети.

Смертная казнь применялась в мирное и военное время. Она могла быть исполнена через расстрел и повешение, допускала в мирное время замену ссылкой на каторжные работы (ст. 21 Устава). По примеру своих предшественников, Устав присоединил к ней ряд правоограничительных наказаний: лишение права распорядиться своим имуществом при смерти и шельмование. Имущество передавалось законным наследникам, а виновные подвергались особому обряду: сниманию мундира, преломлению шпаги над головой офицера и изъятию оружия у нижних чинов (ст. 137 Устава).

Политическая смерть состояла в том, что виновного после лишения всех прав состояния клали на плаху или ставили под виселицу, затем переламявали над головой шпагу и ссылали на каторжную работу. В виде последствия политической смерти для виновного наступало: прекращение его родительской власти и брака, если дети и жена добровольно не следовали за осужденным; лишение права быть завещателем и наследником (ст. 138 Устава).

Осужденный к гражданской смерти лишался всех прав состояния, затем ссылался на каторгу или поселение. Устав 1839 г. поэтому часто отождествлял понятия гражданской смерти и лишения прав, первое обязательно влекло лишение чинов, чести, доброго имени и знаков отличия с изъятием грамот и аттестатов (ст. 24 Устава).

Каторжная работа в мирное время служила наказанием, заменяющим собой смертную казнь, причем в приговоре о ссылке было запрещено употреблять слово «вечно». За во-

Столетие военного министерства. Ч. 2. С. 319, 327–333, 339–357 и др.; Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых заметок). Примечания // собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., 1970. С. 498; Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.

⁹¹ Шебанов А.Ф. Из опыта создания Полного собрания законов в дореволюционной России // Правоведение. 1967. № 2. С. 98.

⁹² Свод военных постановлений. Часть пятая. Устав военно-уголовный. СПб., 1859.

⁹³ Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 124.

⁹⁴ Там же. С. 124–125.

инские преступления к виновным офицерам могло быть назначено и такое наказание, как и шельмование (ст. 27 Устава).

При ссылке в Сибирь на поселение осужденные в мирное время передавались гражданскому начальству, а в военное время отправлялись из армии к пограничному начальству.

Самым распространенным видом воинского наказания по Уставу 1839 г. являлось телесное наказание. Оно имело несколько видов: прохождение сквозь строй, кнут, плети и наказание розгами. Составители Устава 1839 г. полагали, что «жестокие, телесные наказания, установленные воинскими артикулами», должны быть заменены шпицрутенами в силу указа от 1 января 1782 г.,⁹⁵ которым повелевалось Военной коллегии в определении наказаний руководствоваться Наказом Екатерины II. Кроме того, они ссылались на указы Александра I⁹⁶, которыми запрещалось употребление слов «нещадно и жестоко», наконец, на повеление от 20 апреля 1825 г.,⁹⁷ которое предписывало подтверждающим приговоры лицам заменять плети шпицрутенами как наказанием, служащим «более примером». Таким образом, в основе соображений составителей лежали вполне гуманные побуждения. Однако принимая во внимание меру этого наказания и способы его исполнения, приходится заключить, что побуждения составителей не имели никаких реальных последствий. В самом деле, шпицрутены назначались нижним чинам, не изъятых от телесного наказания, за большинство преступлений воинского или общего характера. Высшим размером этого наказания было 6000 раз, хотя в отношении тех из нижних чинов, которые были признаны виновными в «неповиновении и дерзости против начальников перед фронтом», с Высочайшего утверждения разрешалось назначать это наказание и свыше 6000 раз (ст. 69 Устава 1839 г.).

Кнут и плети применялись исключительно к казакам вместо шпицрутенов. Первоначально в отношении донских казаков существовало исключение; они в силу Высочайшего повеления от 20 апреля 1825 г. подлежали наказанию шпицрутенами, но впоследствии по представлению войскового атамана 2 января 1826 г. шпицрутены были заменены плетью. Число ударов определялось в зависимости от тяжести преступления, но без употребления слов «нещадно и жестоко», не могло превышать 50 ударов.

⁹⁵ ПСЗ. № 15313.

⁹⁶ ПСЗ. № 20115, 23279.

⁹⁷ ПСЗ. № 30324.

К наказанию кнутом присоединялось:

а) клеймение — постановление на лбу и на щеках указных знаков;

б) ссылка на каторжную работу; при наказании плетью публично через палача — ссылка в Сибирь на поселение или в арстантские роты.

Все предусмотренные виды наказаний предполагали достижение цели устрашения. Наказывая преступника, преимущественно в присутствии сослуживцев, изобретая для этого особые ритуалы, торжественные и оставляющие впечатление, принуждая, наконец, к экзекуции сослуживцев осужденного, законодатель хотел тем самым показать публично, что угроза уголовного закона — реальна, осуществляется на деле. «Военнослужащего лишали жизни, заточали в рудники, ссылали на поселение, избивали шпицрутенами для того, чтобы свидетели этого действия почувствовали весь грозный смысл закона, прониклись сознанием необходимости подчинения ему и умертвили в себе все противоправные побуждения»⁹⁸. Во всех этих наказаниях личность не принималась во внимание; виновный либо приносил свою жизнь в жертву цели общего предупреждения, либо удалялся на такое расстояние от своих товарищей по оружию, что никакое с его стороны действие не могло дойти до них и сыграть роль порочного примера.

Особенностью Устава 1839 г. являлся запрет на применение смертной казни в мирное время, кроме случаев побега к горцам или в Турецкую империю. Иностранцы совершенно справедливо указывали, что русское военно-уголовное законодательство, отказавшись от применения смертной казни в мирное время, в то же время установило «прогнание сквозь строй» — фактически ту же смертную казнь, но квалифицированную значением и замаскированную наименованием телесного наказания⁹⁹.

Наказание шпицрутенами еще в начале 30-х гг. XIX в. было официально признано соответствующим мучительной смертной казни, тем не менее Военно-уголовный устав 1839 г. не отказался от 6000 ударов, разрешая даже повышать это число для особо опасных преступлений против дисциплины и предписывая в остальных случаях ограничить это число 3000. Чтобы устрашающее воздействие уголовного закона не потеряло своего значения, Высочайшее повеление 1834 г. об ограничении телесного наказания не было предано

⁹⁸ Фалеев Н.И. Указ. соч. С. 128.

⁹⁹ Жюстин Д. Николаевская Россия. М., 2006. С. 133.

гласности, составив, таким образом, секрет подтверждающей власти¹⁰⁰.

Неопределенную смысловую нагрузку в Уставе 1839 г. несло в себе такое наказание, как разжалование в солдаты. Когда оно назначалось «без выслуги», то виновнику тем самым создавалось препятствие «исправить свое поведение» настолько, чтобы быть впоследствии реабилитированным. Разжалование же на срок, наоборот, могло заставить виновника новой отличной службой заслужить прощение, однако Устав запрещал определять в точности срок выслуги «как обстоятельство, которое, завися от отличной службы, не может быть предусмотрено». Для придания этой угрозе реального значения закон предписывал, чтобы разжалованные несли только строевую службу, не могли посещать общества и «иметь связи с офицерами» (ст. 41, 44, 45 Устава). Разжалованные «без выслуги» отсылались в дальние гарнизоны, причем как и срочные, лишались патентов, орденов и знаков отличия.

По Уставу 1839 г. заточение подразделялось на заточение в казематах и на гауптвахте; наказание было срочным, причем срок увязывался с тяжестью правонарушения.

Исключение «из службы», отрешение от должности, исключение из военного звания, ссылка в отдаленные губернии, за границу, «отставление от службы», изгнание из армии были самыми распространенными наказаниями по Уставу 1839 г. Обширная практика их назначения обуславливалась их дешевизной, простотой и удобством.

Исключение «из службы» почти всегда сопровождалось запрещением состоять на государственной службе, занимать какие бы то ни было должности, связанные с властью, доверием или чиновничеством; к нему присоединялось иногда и запрещение пребывания в столицах (ст. 55, 464 Устава).

Изгнание из армии с лишением чинов и исключение «из службы» с изгнанием из армии — наказания, применявшиеся во время войны, представляли собой те же карательные меры, известные уже со времен Полевого Уголовного уложения 1812 г.

Исключение из военного звания было дополнительной мерой осуждения виновного к наказанию, отбытие которого сопровождалось

прекращением служебных функций, например, при осуждении к каторге, арестантским ротам и т.д.

«Отставление от службы» влекло за собой одну правоограничительную меру: «чтобы впредь никуда не определять», хотя могло применяться и без нее. Оно назначалось в случаях подачи просьбы об увольнении военнослужащего при объявлении похода, злоупотребления со стороны караульных чинов, неисполнения указов и т.п., словом, когда «деяние виновного обнаруживало недостаточность воспитания в нем сознания своего служебного долга». Следует отметить, что до издания Устава 1839 г. «отставление от службы» фигурировало в числе дисциплинарных наказаний, применяемых к офицерам «за дурное поведение»¹⁰¹. Устав 1839 г. окончательно перевел данное наказание в разряд уголовных, тем самым усилив ответственность офицерского состава.

Наказание в виде отрешения от должности состояло в том, что виновный на определенный срок лишался занимаемого им служебного положения, что влекло невыгодные материальные последствия. Эта мера имела целью, с одной стороны, возбудить в наказанном желание исправить свое поведение, с другой — ввиду засвидетельствованной виновником «лености, медленности» и т.д. «в исполнении распоряжений начальства, удалить его от должности, как лицо, неспособное к ее выполнению».

Ссылка на житье в отдаленные губернии и высылка за границу среди военнослужащих имели небольшое применение. Последняя назначалась только в отношении иностранцев, находившихся на военной службе, причем у виновных отбирались патенты и грамоты на чины и ордена.

Следует признать, что Военно-уголовный устав 1839 г., будучи «сводом предшествовавших законов», также имел существенные недостатки. Все, что было нецелесообразным в предшествующих уставах, повторилось и в нем самом. Армия, хотя и получила уголовный кодекс, тем не менее по-прежнему нуждалась в установлении системы действенных карательных мер, способных снизить преступность¹⁰².

¹⁰¹ Каминский А. Для полковых судов. Разъяснение к статьям Воинского устава о наказаниях, применяемых полковыми судами в судебной практике. Смоленск, 1888. С. 9.

¹⁰² Сборник законодательных работ по составлению Воинского устава о наказаниях. Спб., 1869. С. 1.

¹⁰⁰ Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-уголовное право. С. 51.

Библиография:

1. Арзамаскин Ю.Н., Шеин И.А. Российские самодержцы и армия // Военно-исторический журнал.— 1994. — № 9.
2. Башилов Б. Борьба за повышение боеспособности русской армии // URL: <http://bibliotekar.ru>.
3. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. — М., 1958.
4. Государственный военно-исторический архив (ГВИА). Сведения о «500 артикулов с выписки генерал-майор Степана Языкова». Оп. 121. Св. 13. — № 12.
5. Государственный военно-исторический архив (ГВИА). Архив Главного Военно-Судного Управления. Дело о чиновниках. Оп. 121. Св. 1. — № 21.
6. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Скверный анекдот // Полн. собр. соч. Т. 3. — СПб., 1894.
7. Друцкой С.А. Дополнение к очерку истории русского военного права. — СПб., 1905.
8. Друцкой С.А. Иностранное военно-уголовное законодательство. — СПб., 1908.
9. Друцкой С.А. Очерк истории русского военного права. — СПб., 1904.
10. Дубровин Н.А. А.В. Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. — СПб., 1886.
11. Елагин С. Материалы для истории русского морского законодательства. — СПб., 1859.
12. Епанчин Н.Е. Тактическая подготовка русской армии перед походом 1828–1829 гг. — СПб., 1904.
13. Жданов Л. Последний фаворит. Екатерина II и Зубов. — М., 2007.
14. Жюстин Д. Николаевская Россия. — М., 2006.
15. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. — Казань, 1862.
16. Записка графа С.Р. Воронцова о русском войске (1802) // Русский архив. — 1876. — № 11.
17. Заусцинский П. История кодификации русского военного законодательства. — СПб., 1908.
18. Заусцинский П. Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформ XIX века. — СПб., 1909.
19. История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. — СПб., 2003.
20. Калош В., Уланов В. Три века. Россия от смуты до нашего времени. Т. 6. — М., 1995.
21. Каминский А. Для полковых судов. Разъяснение к статьям Воинского устава о наказаниях, применяемых полковыми судами в судебной практике. — Смоленск, 1888.
22. Керсновский А.А. История русской армии 1700–1881. — М., 2004.
23. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. — Киев, 1896.
24. Ключевский В.О. О русской истории / сост., авт. предисл. и примеч. В.В. Артемов / под ред. В.И. Буганова. — М., 1993.
25. Костомаров Н.И. Конец Речи Посполитой. — СПб., 1865.
26. Кривицкий А. Традиции русского офицерства. — М., 1945.
27. Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-уголовное право. Общая часть. — СПб., 1895.
28. Максудов В.П. История 25-го пехотного Смоленского полка за два века его существования (1700–1900 гг.): в 2 т. — СПб., 1900. Т. 1.
29. Меленберг А. Павла I задушила жаба и он стал отменять льготы своим подданным // <http://www.novayagazeta.ru/data/2005/12/23.html>.
30. Мушников А.А. Наказание в русском праве XVIII века. — СПб., 1887.
31. Никитин В.Н. Быт военных арестантов в крепостях. — СПб., 1873.
32. Палюмбецкий А. О происхождении и распространении пенитенциарной системы. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета 30 августа 1854 г. — Харьков, 1854.
33. Петухов Н.А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов России: дис... д-ра юрид. наук. — М., 2003.
34. Последние дни жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования Павла I // Чтения Московского Общества Истории и Древностей. 1860. Кн. III.
35. Рогулин Н.Г. Полковое учреждение А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. — СПб., 2005.
36. Русская Старина. — 1878. — № 10.
37. Рыженков М.Р. Армия не место для преступников и бродяг // Военно-исторический журнал. — 2000. — № 1.
38. Сборник законодательных работ по составлению Воинского устава о наказаниях. — СПб., 1869.
39. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 1. — М.–Л., 1928.
40. Сергеевский Н. Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне // Оттиск из Журнала гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 7.

41. Сергеевский Н.Д. Лишение жизни как уголовное наказание // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 6.
42. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVIII века. — СПб., 1887.
43. Столетие военного министерства 1802–1902 гг. — СПб., 1902. Т. 10, 12.
44. Таганцев Н.С. Смертная казнь. — СПб., 1913.
45. Толкаченко А.А. Правовые основы исполнения уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1997.
46. Толмачев Е.П. Александр II и его время. — М., 1998.
47. Толстой Л.Н. Проект реформирования армии // Собр. соч.: в 22 т. Т. 16: Публицистические произведения. — М., 1983.
48. Указы императора Павла // Русская Старина. — 1884. — № 8.
49. Фалеев Н.И. Цели воинского наказания: дис. на соискание звания экстраординарного профессора по кафедре военно-уголовных законов в Александровской военно-юридической академии. — СПб., 1902.
50. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. — М., 2000.
51. Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых заметок). Примечания // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. — М., 1970.
52. Чудинов А.В. Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3. — М., 2000.
53. Шебанов А.Ф. Из опыта создания Полного собрания законов в дореволюционной России // Правоведение. — 1967. — № 2.
54. Шендзиковский И.А. Конспект лекций по истории русского военно-уголовного законодательства. — СПб., 1885.
55. Шильдер Н.К. Император Павел I. — СПб., 1901.
56. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. — СПб., 1872.

References (transliteration):

1. Arzamaskin Yu.N., Shein I.A. Rossiyskie samoderzhtsy i armiya // Vo-enno-istoricheskiy zhurnal. — 1994. — № 9.
2. Bashilov B. Bor'ba za povyshenie boesposobnosti russkoy armii // URL: <http://bibliotekar.ru>
3. Beskrovnyy L.G. Russkaya armiya i flot v XVIII veke: Ocherki. — М., 1958.
4. Gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (GVIA). Svedeniya o «500 artikulov s vypiski general-mayor Stepana Yazykova. Op. 121 Sv. 13. — № 12.
5. Gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (GVIA). Arkhiv Glavnogo Voенno-Sudnogo Upravleniya. Delo o chinovnikakh. Op. 121. Sv. 1. — № 21.
6. Dostoevskiy F.M. Zapiski iz mertvogo doma. Skvernyy anekdot // Poln. sobr. soch. T. 3. — SPb., 1894.
7. Drutskoy S.A. Dopolnenie k ocherku istorii russkogo voennogo prava. — SPb.: Izd. A. Kolenko, 1905.
8. Drutskoy S.A. Inostrannoe voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo. — SPb.: Izdal sht.-kap. Shubin, 1908.
9. Drutskoy S.A. Ocherk istorii russkogo voennogo prava. — SPb., 1904.
10. Dubrovin N.A. A.V. Suvorov sredi preobrazovateley Ekaterininskoй armii. — SPb.: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1886.
11. Elagin S. Materialy dlya istorii russkogo morskogo zakonodatel'stva. — SPb., 1859.
12. Epanchin N.E. Takticheskaya podgotovka russkoy armii pered pokhodom 1828-1829 gg. — SPb., 1904.
13. Zhdanov L. Posledniy favorit. Ekaterina II i Zubov. — М.: Pressa, 2007.
14. Zhyustin D. Nikolaevskaya Rossiya. — М., 2006.
15. Zagoskin N.P. Ocherk istorii smertnoy kazni v Rossii. — Kazan', 1862.
16. Zapiska grafa S.R. Vorontsova o russkom voyske (1802) // Russkiy arkhiv. — 1876. — № 11.
17. Zapiski grafa S.R. Vorontsova o russkom voyske // Russkiy arkhiv. — 1876. — № 11.
18. Zaustsin'skiy P. Istoriya kodifikatsii russkogo voennogo zakonodatel'stva. — SPb., 1908.
19. Zaustsin'skiy P. Kodifikatsiya russkogo voennogo prava v svyazi s istoriey razvitiya russkogo voyska do reform XIX veka. — SPb., 1909.
20. Istoriya russkoy armii ot zarozhdeniya Rusi do voyny 1812 g. — SPb., 2003.
21. Kalosh V., Ulanov V. Tri veka. Rossiya ot smuty do nashego vremeni. T. 6. — М., 1995.
22. Kaminskiy A. Dlya polkovykh sudov. Raz'yasnenie k stat'yam Voinskogo ustava o nakazaniyakh, primenyaemykh polkovymi sudami v sudebnoy praktike. — Smolensk, 1888.
23. Kersnovskiy A.A. Istoriya russkoy armii 1700–1881. — М., 2004.

24. Kistyakovskiy A.F. Issledovanie o smertnoy kazni. — Kiev, 1896.
25. Klyuchevskiy V.O. O russkoy istorii / sost., avt. perdisl. i primech. V.V. Artemov / pod red. V.I. Buganova. — M., 1993.
26. Kostomarov N.I. Konets Rechi Pospolitoy. — SPb., 1865.
27. Krivitskiy A. Traditsii russkogo ofitserstva. — M., 1945.
28. Kuz'min-Karavaev V.D. Voенно-ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya. — SPb., 1895.
29. Maksutov V.P. Istoriya 25-go pekhotnogo Smolenskogo polka za dva ve-ka ego sushchestvovaniya (1700–1900 gg.). V 2 t. — SPb., 1900. T. 1.
30. Melenberg A. Pavla I zadushila zhaba i on stal otmenyat' l'goty svoim poddannym // <http://www.novayagazeta.ru/data/2005/12/23.html>.
31. Mushnikov A.A. Nakazanie v russkom prave XVIII veka. — SPb., 1887.
32. Nikitin V.N. Byt voennykh arestantov v krepostyakh. — SPb., 1873.
33. Palyumbetskiy A. O proiskhozhdenii i rasprostranении penitentsiar-noy sistemy. — Rech' napisannaya dlya proizneseniya v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta 30 avgusta 1854 goda. — Khar'kov, 1854.
34. Petukhov N.A. Sotsial'nye i pravovye problemy stanovleniya, razvi-tiya i funktsionirovaniya sistemy voennykh sudov Rossii: dis... dokt. yurid. na-uk: — M., 2003.
35. Poslednie dni zhizni imperatritsy Ekateriny II i pervyy den' tsarst-vovaniya Pavla I // Chteniya Moskovskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey. 1860. Kn. III.
36. Rogulin N.G. Polkovoe uchrezhdenie A.V. Suvorova i pekhotnye inst-ruksii ekaterininskogo vremeni. — SPb.: Dmitriy Bulanin, 2005.
37. Russkaya Starina. — 1878. — № 10.
38. Ryzhenkov M.R. Armiya ne mesto dlya prestupnikov i brodyag // Voенно-istoricheskiy zhurnal. — 2000. — № 1.
39. Sbornik zakonodatel'nykh rabot po sostavleniyu Voinskogo ustava o nakazaniyakh. — SPb., 1869.
40. Svechin A.A. Evolyutsiya voennogo iskusstva. T. 1. — M.–L., 1928.
41. Sergeevskiy N. Smertnaya kazn' pri imperatritse Elizavete Petrovne // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1879. Kn. 7.
42. Sergeevskiy N.D. Lishenie zhizni kak ugolovnoe nakazanie // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1879. Kn. 6.
43. Sergeevskiy N.D. Nakazanie v russkom prave XVIII veka. — SPb., 1887.
44. Stoletie voennogo ministerstva 1802–1902 gg. — SPb., 1902. T. 10, 12.
45. Tagantsev N.S. Smertnaya kazn'. — SPb., 1913.
46. Tolkachenko A.A. Pravovye osnovy ispolneniya ugolovnykh nakazaniy, primenyaemykh k voennosluzhashchim: dis... dokt. yurid. nauk. — M., 1997.
47. Tolmachev E.P. Aleksandr II i ego vremya. — M., 1998.
48. Tolstoy L.N. Proekt reformirovaniya armii // Sobr. Soch.: v 22 t. T. 16: Publitsisticheskie proizvedeniya. — M., 1983.
49. Ukazy imperatora Pavla // Russkaya Starina. — 1884. — № 8.
50. Faleev N.I. Tseli voinskogo nakazaniya: dissertatsiya na soiskanie zvaniya ekstraordinarnogo professora po kafedre voенно-ugolovnykh zakonov v Aleksandrovskiy voенно-yuridicheskoy akademii. — SPb., 1902.
51. Foynitskiy I.Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem. — M., 2000.
52. Chekhov A.P. Ostrov Sakhalin (Iz putevykh zametok). Primechaniya. // Sobr. soch. v 8 t. T. 8. — M., 1970.
53. Chudinov A.V. Zhil'ber Romm o russkoy armii XVIII veka // Rossiya i Frantsiya XVIII-XX veka. Vyp. 3. — M., 2000.
54. Shebanov A.F. Iz opyta sozdaniya Polnogo sobraniya zakonov v dore-volyutsionnoy Rossii // Pravovedenie. — 1967. — № 2.
55. Shendzikovskiy I.A. Konspekt lektsiy po istorii russkogo voенно-ugolovnogo zakonodatel'stva. — SPb., 1885.
56. Shil'der N.K. Imperator Pavel I. — SPb., 1901.
57. Yadrintsev N.M. Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke. — SPb., 1872.

Материал получен редакцией 21 февраля 2013 г.